УДК 82

Родина И.В.
старший преподаватель
кафедра русской литературы и методики обучения
Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

ОБРАЗ НЕБА В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Б. РЫЖЕГО

Аннотация: *в статье рассматриваются идейно-тематическое содержание и художественные функции образа неба в лирике Бориса Рыжего. Установлено, что образ неба не имеет в рассматриваемых произведениях единого символического значения. Он связан с мотивами одиночества, бренности человеческой жизни, мотивами памяти, в том числе экзистенциальными мотивами. Особое внимание уделяется взаимодействию небесного пространства с предметными деталями городского мира и композиционной организации лирического высказывания.*

Ключевые слова: *Борис Рыжий, образ неба, лирика, городское пространство, лирический субъект, экзистенциальный мотив, художественная деталь, композиция.*

1. Введение.

Исследователи поэтики Б. Рыжего отмечают необходимость рассматривать его художественный мир как целостную систему, выявляя способы отражения внешней действительности во внутреннем пространстве поэтического текста [1]. Одним из наиболее часто представленных в этой системе является образ неба. Небо может восприниматься как удалённое и недоступное пространство, как объект созерцания, как свидетель человеческой жизни или как пространство, с которым соотносится переживание бренности существования.

Цель исследования состоит в выявлении идейно-тематического содержания образа неба в лирике Б. Рыжего и анализе средств художественной изобразительности и выразительности, участвующих в его создании.

Объект исследования – лирика Б. Рыжего. Предмет исследования – образ неба, его художественные функции, смысловые характеристики и способы воплощения в поэтическом тексте.

2. Материалы и методы.

Материалом исследования стали три стихотворения Б. Рыжего: «Чёрное небо» (1996), «Нас с тобой разбудит звон трамвая…» (1996) и «В те баснословные года» (1997). Выбор произведений обусловлен тем, что в каждом из них образ неба включён в особую систему отношений с лирическим субъектом и окружающим миром. Это позволяет сопоставить различные варианты его художественного функционирования, не сводя их к единой символической трактовке. В процессе художественного анализа произведений данного автора были использованы описательный, контекстуальный и сравнительно-сопоставительный методы, а также элементы структурно-семантического анализа.

3. Результаты исследования.

В стихотворении «Чёрное небо» образ небесного пространства получает художественное воплощение посредством контрастного сочетания цветовых характеристик: «На чёрном небе белая звезда». Противопоставление чёрного и белого формирует эмоционально-смысловую тональность произведения и определяет его визуальную организацию. Звезда композиционно выделена на фоне тёмного неба, однако её зрительная доступность не предполагает возможности преодоления дистанции между небесным объектом и человеком.

Существенную роль в смысловой организации образа играет временная характеристика звезды: «она была и будет навсегда». Указание на непрерывность её существования актуализирует оппозицию «вечности и конечности».

Неизменность небесного объекта соотносится с ограниченностью человеческого бытия. Звезда предстаёт как самостоятельная форма существования, не зависящая от человеческого времени. При этом свет звезды достигает земного наблюдателя: «до нас доходят тонкие лучи». Однако пространственная близость, возникающая благодаря распространению света, не снимает онтологической и эмоциональной отчуждённости человека от небесного мира.

Композиция стихотворения выстраивается как постепенное угасание контакта лирического субъекта с объектом созерцания. Первоначальная обращённость к звезде уступает место бытовому императиву: «Но лучше электричество включи». Переход от созерцания к действительности обозначает смену переживаний и приобретает принципиальное значение для интерпретации стихотворения. Искусственное освещение вытесняет естественный свет звезды, прерывая непосредственное взаимодействие человека с ночным пространством, с самой Вечностью. Последующее указание «отойди от чёрного окна» усиливает мотив отъединенности человеческого мира от мира Небесного Божественного, усиливая мотив одиночества. Таким образом, окно, первоначально обеспечивающее возможность визуального контакта с небом, одновременно обозначает границу между внутренним пространством человека и внешним миром, подчёркивая недостижимость подлинного сближения с ним.

Окно выступает значимой пространственной деталью. Оно одновременно обеспечивает возможность видеть небо и обозначает границу между внутренним пространством человека и внешним миром. В финале эта граница приобретает экзистенциальное значение: «здесь ты один, а там она одна». Пространственная оппозиция «здесь» и «там» подчёркивает разобщённость лирического субъекта и звезды, акцентируя онтологическую несовместимость двух состояний одиночества. Несмотря на внешнюю параллельность их положения, звезда не приобретает статуса полноценного собеседника: между ней и человеком сохраняется дистанция, исключающая возможность подлинного диалога.

Финальные строки «и не о чем вам с нею говорить, / а немоту ни с кем не разделить» закрепляют мотив невозможности сближения. Так, смысловая

доминанта переносится с визуального образа звезды на собственное переживание человеческой изолированности от мира Космоса. Небо здесь не обещает преодоления одиночества, а, напротив, делает его особенно ощутимым благодаря недостижимой близости небесного объекта.

Таким образом, художественное значение образа создаётся не только цветовым контрастом, но и системой пространственных оппозиций: «здесь – там», «человек – звезда», «внутреннее – внешнее». Существенную роль играют символическая деталь окна, композиционное движение от созерцания к прекращению контакта и лаконичная разговорная интонация. Небо в этом произведении становится пространством, в котором особенно отчётливо проявляется невозможность преодолеть одиночество.

В стихотворении, начинающемся строкой «Нас с тобой разбудит звон трамвая», образ неба получает иное смысловое наполнение. В отличие от «Чёрного неба», где небесное пространство разделяет человека и звезду, здесь оно воспринимается как пространство совместного переживания: «небеса, от края и до края / только небеса…».

Поэтическая формула «от края и до края» передаёт представление о безграничности небесного пространства, подчёркивая его масштабность и всеохватность. Повтор лексемы «небеса» акцентирует внимание на самом образе, усиливая впечатление его зрительной полноты и эмоциональной значимости. Существенно и композиционное положение этого образа: он возникает в момент пробуждения, когда происходит переход от сна к яви. Звон трамвая соотносится с возвращением к привычному ритму городской жизни, в то время как открывающийся перед героями небесный простор становится кратковременным переживанием выхода за пределы повседневности.

Однако это состояние оказывается непродолжительным. В последующих строках обозначена необходимость вновь обратиться к земной действительности: «Будем мы обижены как дети: / снова привыкать / к пустякам, что держат нас на свете». «Как дети» усиливает трагическое ощущение от невозможности достижения близости к небесному, оторванности от небесного

Рая. Противопоставление небесного и земного пространства получает дальнейшее развитие в строках: «Жить и умирать / возвратят на землю наши души». Здесь земная жизнь осмысляется как область повторяющихся процессов, от которых невозможно окончательно освободиться. Небесное пространство, напротив, связано с переживанием полноты и желанием продлить состояние, в котором привычные границы существования временно утрачивают значение.

Финал стихотворения раскрывает экзистенциальную сторону этого переживания: «хоть второго дня / я, молясь, просил Его: послушай, / не буди меня». Мотив сна приобретает значение желаемого продолжения состояния, противопоставленного возвращению к земной жизни. Просьба «не буди меня» может быть прочитана как выражение стремления сохранить пережитую полноту, но в контексте строк о жизни и смерти она одновременно актуализирует тему конечности человеческого существования.

В художественной организации текста существенны пространственная гипербола «от края и до края», повтор, контраст небесного простора и повседневной реальности, а также мотив сна и пробуждения. Разговорная интонация не ослабляет философского содержания, а, напротив, сближает его с непосредственным человеческим переживанием. Небо становится пространством краткого, но предельно насыщенного состояния близости и полноты, которое невозможно сохранить в условиях земного времени.

В стихотворении «В те баснословные года» образ неба появляется в заключительной строфе и приобретает функцию нравственно-философского обобщения. Композиция произведения строится на последовательном воспроизведении эпизодов прошлого: бытовые обстоятельства, вечерние разговоры за магазином, ощущение материальной скудости и противоречивое восприятие прожитого времени. Начальная строфа задаёт своеобразную интонацию воспоминания: «нам пиво воздух заменяло». Сравнение пива с воздухом соединяет бытовую подробность с образом жизненной необходимости. В следующей строфе эта интонация получает развитие в строке «Как хорошо мы плохо жили». Парадоксальное сочетание наречий «хорошо» и «плохо» передаёт

двойственность ретроспективного восприятия: прошлое не идеализируется полностью, но сохраняет эмоциональную значимость.

В третьей строфе бытовая конкретика приобретает более обобщённый характер. Образ жизни соотносится с рядами ящиков, которые формируют предметную основу городского пространства. Важно, что небо появляется только после этого описания, в финальной строфе. Тем самым композиционно выделяется переход от частного воспоминания к более широкому осмыслению человеческого существования. Небо наделяется способностью видеть и эмоционально реагировать: «И только небо, может быть, / глядело пристально и нежно». Олицетворение превращает его в наблюдателя, находящегося за пределами повседневной человеческой суеты. Эпитеты «пристально» и «нежно» соединяют внимательное наблюдение с эмоциональной сопричастностью. Небо не выступает здесь безличным фоном или недоступным объектом созерцания: оно оказывается единственным свидетелем, который способен увидеть человеческую жизнь в её подлинной сложности.

Особое значение имеет заключительная формула «к прекрасному глаголу жить». Глагол «жить» выделяется не только семантически, но и графически в ряде публикаций текста. Его употребление в финале переводит бытовое воспоминание в нравственную плоскость. Люди, погружённые в повседневные обстоятельства, относятся к жизни «небрежно», тогда как небо смотрит на них «пристально и нежно». Возникает контраст между человеческим отношением к собственному существованию и той ценностью, которую ему придаёт надличностный наблюдатель.

Следовательно, в этом стихотворении небо выполняет функцию своеобразного нравственного свидетеля. Оно не устраняет трудности земной жизни и не противопоставляется ей как идеальный мир, но позволяет увидеть человеческое существование с иной смысловой перспективы. Олицетворение, эпитеты, композиционное расположение образа в финале и контраст между «небрежностью» людей и внимательностью неба формируют философское содержание произведения.

4. Обсуждение результатов.

Сопоставление трёх стихотворений позволяет выделить несколько вариантов художественного осмысления образа неба в лирике Б. Рыжего. В «Чёрном небе» небесное пространство связано с одиночеством и невозможностью общения. Звезда существует в вечности, но её удалённость подчёркивает разобщённость человека и мира. В стихотворении «Нас с тобой разбудит звон трамвая…» небо, напротив, становится пространством совместного переживания, полноты и временного выхода за пределы повседневности. В «В те баснословные года» оно приобретает функцию свидетеля человеческой жизни и становится основой нравственно-философского обобщения. Таким образом, смысловое содержание образа неба определяется включённостью в конкретную систему образов, мотивов и композиционных отношений. В одном случае небо соотнесено с окном и звездой, в другом – с пробуждением, сном и возвращением на землю, в третьем – с бытовыми воспоминаниями и размышлением о ценности жизни. Полученные наблюдения соотносятся с выводами исследователей о значимости мотивов одиночества, пустоты и смерти в поэтическом мире Б. Рыжего [2]. Вместе с тем анализ выбранных произведений показывает, что образ неба не ограничивается танатологической проблематикой. Она также соотносится с поиском смысла человеческого существования. Следовательно, трактовка неба как исключительно символа смерти или потустороннего пространства была бы неоправданным сужением его художественных функций. Необходимо учитывать, что рассмотренный корпус включает три произведения и не претендует на исчерпывающее описание всей небесной образности поэта. Однако сопоставление этих текстов позволяет выявить различные способы включения образа неба в художественную структуру лирического произведения.

5. Заключение.

Проведённый анализ показывает, что образ неба в поэтической системе Б. Рыжего не автономный компонент пространственной и мотивной организации лирики. Его содержание изменяется в зависимости от идеи произведения и отношений с другими элементами художественного мира. В стихотворении «Чёрное небо» он связан с мотивом одиночества и невозможности диалога, в стихотворении «Нас с тобой разбудит звон трамвая…» становится пространством полноты совместного переживания и осознания конечности, в произведении «В те баснословные года» выступает свидетелем человеческой жизни и способствует переходу от бытового воспоминания к нравственно-философскому обобщению.

Различия в смысловом наполнении образа создаются посредством цветового контраста, пространственных оппозиций, символической детали, олицетворения, эпитетов, повторов и композиционных приёмов. При этом художественная функция неба определяется не отдельными тропами, а их взаимодействием с мотивной и композиционной структурой произведения.

Таким образом, образ неба в рассмотренных стихотворениях не сводится к единому символическому значению. Он раскрывает различные аспекты отношений человека с окружающим миром, другим человеком, собственным прошлым и проблемой конечности существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Казарин Ю.В., Мухина И.К. Основы поэтологической параметризации внутреннего мира поэта Бориса Рыжего // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 3. С. 13–22
2. Петрухина Н.М. Эволюция антропологических моделей в истории литературного процесса // XXI Виноградовские чтения. Май 2026. С. 144–145
3. Непомнящих Н.А. Танатологические мотивы лирики Бориса Рыжего // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 207–223

4. Парамонова Д.А. Метрическая организация текстов Б.Б. Рыжего и ее художественная роль в формировании его поэтики // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 3 (33). С. 121–128

5. Рыжий Б. Стихи: 1993–2001 / сост. и подгот. Комаров Г.Ф. 2-е изд., испр. СПб.: Пушкинский фонд, 2014. 368 с.

Rodina I.V.

Senior Lecturer

Department of Russian Literature and Teaching Methodology

Uzbek State University of World Languages

(Tashkent, Uzbekistan)

THE IMAGE OF THE SKY IN BORIS RYZHY'S POETIC SYSTEM

Abstract: *the article examines the themes and artistic functions of the image of the sky in Boris Ryzhy's lyric poetry. It finds that the image of the sky has no single symbolic meaning in the poems examined. It is associated with motifs of loneliness, the transience of human life, and memory, including existential motifs. Particular attention is paid to the interplay between celestial space and tangible details of the urban environment, as well as to the compositional structure of the lyrical utterance.*

Keywords: *Boris Ryzhy, sky imagery, lyric poetry, urban space, lyrical subject, existential motif, artistic detail, composition.*